

образом (быть может, немого житей?) агресия Сольвейг г-жа Боренела. Маленькая сцена из четвертого акта, постановка — оазис в пустыне.

Она у с-жи Халтивилы выходит несколько суховато. Мне кажется, что надо было бы найти для этой роли какой-то тон, роковойный тон г. Леонидова. Виль Перь — сын своей матери; иль смываться и решить несоборачиваемость пообразивания, быстрота и переживаемость чувств и поступков.

Много хорошего из Анитры — г-жи Коонен. И так, где она не пляшет, больше хорошего, чем там, где она пляшет. Г-жа Коонен талантлива, — это чувствуется всегда. И это очевидно; зритель часто ее даже в тихе слушает, когда удерживать роль вынуждают ее совладавшие удерживать.

Должно отметить еще г-жу Барановскую, судящую заст. как-то житейски „сказать“ в роли дочери короля твоей. Этот житейский тон особенно хорошо подходит к сцене самания с Гюнтзом в жезле; она объясняет много из замечательных речей Гюнта и оставляет Сольвейг.

••

Общее впечатление от постановки, несмотря на прекращенную музыку, на отдаленных хороших декорациях и в общем хорошем исполнении, неудовлетворительное. Чувствовалось, что в публичной отнесении к серьезному к этому неумелому житейскому театру. Зрительный зал, обычно хранивший благоговящую тишину, был неупокоен. Разговоры, шумы, в этом легко-доказательном настроении зрительного зала с ясностью можно было прочесть, что и в сцене „не все обстоит благополучно“.

Что является мейн, то и не считаю постановку „Перь Гюнта“ постановкой Художественного театра. Это — просто случайная постановка из Художественного театра.

АЛЕКСАНДР КОЙРАНСКИЙ.

„Incompar“ am 11 Okt. 1912.

„ПЕРЬ-ГЮНТ“

(на сцене Художественного театра).

Странное впечатление произвело первое представление „Перь-Гюнта“.

Сь каждым подвигом заниматься — иеродь глазами красавца картина, созданная руками подлинного художника; звучит музыка Грива, и на фоне этой обстановки, созданного этого музыкою и живописью художника, разворачиваются действия, сь большим умением построенное реализмически. Артисты делают все, что могут.

Сь темпераментом водить свою роль Леонидов, Халтивила создает прекрасную Оаю, в сцене самодобы — сама жизнь какой-то заброшенной в горы порабощенной деревушки, танды Анитры — образцы того, как надо ставить картины из жизни Востока. Сцена в шпальте тоже образчик того, как с помощью простых средствами можно достигнуть сцены больших эффектов, и все-таки держать сцены и не может понять, в чем же собственно дело, какие чувства хотеть разбудить в его душе, какие мысли вызвать зарывшись в его голову.

Как, почему могло это произойти?

Пришло, конечно, потому, что и в самом драматическом Ибсена далеко не все ясно и просто. Не даром, даже такой второстепенный поклонник Ибсена, как Лев Шестов, обходит „Перь-Гюнта“ молчаливо. Создавая из оставшихся произведений Ибсена драму историю внутренней жизни персонажа, дает впечатление страдания в бытии иерея в горах дремучих, Шестов о „Перь-Гюнте“ говорит всего несколько иронических строк.

Написанная через год после Бранда драматическая поэма „Перь-Гюнта“ производит впечатление какой-то фидой насмешки Ибсена над самим собою, и быть может, иронический драматизм этого произведения именно на том, что это высказывание пророка, но и далекого передь дельца пустыни, похотели больше на обезьян, чем на людей, сдвинул Ибсена в то самое время, когда Европа поклонялась в нем именно пророку и сь нимонна церковь звучала грозным речем Бранда.

Наполюция томчалась после Бранда драматическая поэма „Гюнта“ понятна только из этой последовательности и только как антича Бранда. Если в Бранде сводится к нулю великое слу-

